

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94:502:304(470.1)"15/18"

**Северная природа как объект эстетического восприятия:
исторический экскурс**

Никитин Н.И.¹

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об особенностях эстетического восприятия природы человеком в различные исторические периоды. Автор приходит к выводу, что в Средние века и раннее Новое время людям казались привлекательными главным образом «окультуренные» ландшафты, преобразованные человеческим трудом. Красоту «дикой» природы в России начали понимать в основном лишь в XVIII веке, а суровые пейзажи Русского Севера стали объектом эстетического восприятия ещё позднее.

Ключевые слова: Природа и человек, эстетическое восприятие, Россия, Север.

**Northern nature as an object of aesthetic perception:
historical digression**

Nikitin N.I.¹

Abstract. The article discusses the features of the aesthetic perception of nature by man in different historical periods. The author comes to the conclusion that in the Middle ages and early Modern times, people seemed attractive mainly "cultivated" landscapes transformed by human labor. The beauty of the "wild" nature in Russia began to be understood mainly only in the XVIII century, and

the harsh landscapes of the Russian North became the object of aesthetic perception later.

Keywords: Nature and man, aesthetic perception, Russia, North.

¹*Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117036, г. Москва, Российская Федерация.*

Nikitin Nikolay Ivanovich. Candidate of Science (History), a leading researcher at the institute of Russian History RAS. Dmitriya Ulyanova str. 19, 117292, Moscow, Russian Federation.

E-mail: nikitin.@mail.ru

© **Н.И. НИКИТИН**

В настоящее время районы крайнего Севера считаются одними из красивейших на Земле и пользуются неизменным успехом у любителей путешествий. Например, на Шпицбергене для туристов специально построены отели, туда организуются многочисленные круизы, и их участники не скрывают своего восхищения красотой диких скал арктического архипелага, блеском полярных льдов и т.п. Тем удивительнее было узнать, что когда в 30-х гг. XVIII в. нескольким английским преступникам заменили смертную казнь одногодичным пребыванием на Шпицбергене, то по прибытии туда они пришли в ужас от открывшегося перед ними вида и предпочли единственной зимовке среди полярных льдов и скал смерть на родной земле [13, С. 41].

Бывавшие на Шпицбергене русские современники незадачливых англичан его пейзажи воспринимали спокойнее, но тоже не видели в «Грумманте» (русское наименование архипелага) ничего внешне привлекательного. Помор Самсон Суханов сложил о нём в 80-х гг. XVIII в. песню, которая стала популярной у русских промысловиков. В ней есть такие слова: «Груммант угрюмый, прости!/ В родину нас отпусти!/ На тебе жить так страшно –/Бойся смерти всечасно!/ Рвы на буграх, косогорах,/ Лютые звери там в норах;/ Снеги не сходят долой –/ Груммант вечно седой» [7, С. 46]...

Спустимся по северным территориям южнее и рассмотрим другой пример – Байкал. Практически всех, кто

побывал у этого «славного моря» пленяет его дикая и ни с чем несравнимая красота. А как воспринимали её люди два-три столетия назад? Оказывается, тоже никак. Тогда природа Байкала, судя по его сохранившимся описаниям, людей только пугала. «Байкал казался русским путешественникам негостеприимным и страшным», – отмечал С.В. Бахрушин [4, С. 133].

Это обстоятельство сильно озадачило известного писателя В.Г. Распутина, положившего много времени и сил на защиту байкальской природы от разрушительного напора «цивилизации». «Открытие Байкала, вернее, его явление не произвело на русских первопроходцев особого впечатления. Никаких свидетельств личного характера они о нём не оставили: всё больше о рудах, о соболях да обидях...» – писал Распутин и попытался объяснить эту «загадку» спецификой выразительных средств русского языка того времени [30, С. 89].

Но ведь и позднее сибирской природой, в частности, красивейшими, по современным понятиям, пейзажами Якутии, не склонны были восхищаться не только малограмотные люди сугубо практического склада, но и особы художественно одарённые, стоявшие по своему образовательному и культурному уровню на самой вершине социальной пирамиды. Вот как, например, отзывался о природе Якутии признанный классик русской литературы И.А. Гончаров, возвращавшийся в 1854 г. после своего знаменитого путешествия на фрегате «Паллада» через Сибирь: «Не раз содрогнёшься, глядя на дикие громады гор без растительности, с ледяными вершинами, с лежащим во всё лето снегом во впадинах, или на эти леса, которые растут как тростник...» [9, С. 530]. Так что разгадку вставшего перед В.Г. Распутиным вопроса следует искать не в филологии. И прежде всего надо выяснить, когда человек стал вообще осознавать красоту окружающего его мира.

В литературе в этой связи уже обозначился довольно широкий разброс мнений, и их высказывали не только философы – специалисты по эстетике, но и историки. Показательна заочная полемика между двумя выдающимися дореволюционными историками Н.М. Карамзиным и И.Е. Забелиным. Если первый в начале XIX ст. в «Записках старого московского жителя» уверял, что москвичи стали замечать красоты окружающей их природы лишь совсем недавно –

буквально на его памяти, то Забелин к концу столетия в своей книге «Кунцово и древний Сетунский стан» выразил решительное несогласие с Карамзиным и утверждал, что чувство красоты у людей врождённое, только они не всегда умеют его выразить, в подтверждение чего ссылаясь на удачный с эстетической точки зрения выбор мест под строительство церквей и усадеб [12].

Однако убеждение во врождённости чувства прекрасного в то время уже выглядело анахронизмом, его, в частности, подверг весьма аргументированной критике Н.Г. Чернышевский. Широкою известность получил приводимый им пример различного видения женской красоты крестьянами и аристократами, равно как и общее определение прекрасного: «Прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям...» [37, С. 10–11].

В дальнейшем мнение, согласно которому категория прекрасного имеет исторический характер, стало господствующим у специалистов по эстетике и истории общественной мысли. Они единодушны в том, что в первобытном обществе эстетическое восприятие природы отсутствовало, поскольку тогда не было главных условий для бескорыстного любования ею: выделения себя человеком из остального мира и восприятия природы как чего-то внешнего по отношению к себе, а также достаточной независимости человека от природных стихий и возможности успешно противостоять им (см., например: [3, С. 66–67; 5, С. 59]).

Гораздо сложнее обстоит дело с решением того же вопроса применительно к следующим этапам исторического развития – в особенности к европейскому средневековью. В то время производительные силы общества достигли уже такого уровня, который должен был позволить человеку чувствовать себя более уверенно перед грозными силами природы и всё более смело выделять себя из неё. Но «переходные» ментальности порой трудноуловимы, поскольку отражены в источниках слабо и непоследовательно. Кроме того, картина осложняется неравномерностью экономического и культурного развития отдельных стран и народов в феодальную эпоху, а также растущим воздействием на восприятие человеком окружающего мира социальных факторов. Отсюда и серьёзные расхождения исследователей в оценках способностей наших

предков воспринимать красоту окружающего мира не только в Средние века, но и в Новое время.

Так, по мнению К.В. Шохина, на Руси ещё в переходный период от общинно-родового строя к феодальному эстетические представления народных масс характеризовались, ни много ни мало, «глубоким пониманием поэтичности и красоты природы» [17, С. 351–352]. М.Ф. Овсянников тоже считал возможным говорить о «поэтическом чувстве природы, её глубоком лирическом восприятии» русским человеком применительно уже к XII в. [23, С. 67]. Аналогичную позицию занял И.Ф. Смольянинов, полагавший, что красота природы волновала человечество во все времена, и лишь с утверждением христианства «истинное, эстетическое понимание природы надолго было забыто», однако «в эпоху Возрождения люди как бы заново начинали эстетически понимать природу», и тогда «словно пелена спала с глаз людей...» [32, С. 23–25, 35–36].

Однако этих авторов объединяет такая черта: приводимый в их работах конкретно-исторический материал (а это в основном произвольно трактуемые отрывки из произведений древнерусской литературы) не даёт оснований для столь безапелляционных заключений. Позиция же их оппонентов выглядит более убедительной, ибо опирается на целый комплекс добротных и хорошо изученных источников. И хотя она представлена в основном исследованиями средневековой культуры Западной Европы, их выводы можно с полным правом распространить и на Европу Восточную.

Например, А.Я. Гуревич обращает внимание на то, что «редкие упоминания в художественном творчестве германцев красоты природы оказываются выражением совершенно иных чувств и гораздо более сложного и недифференцированного отношения к миру, нежели эстетическое его восприятие в собственном (узком) смысле. Исландские саги... несмотря на исключительную точность описания в них событий и явлений, с которыми сталкиваются их герои, совершенно лишены характеристик природы, выходящих за пределы необходимости обрисовки места действия». Отсюда и общий вывод исследователя: в раннем средневековье «из-за отсутствия дистанции между человеком и окружающим миром ещё не могло возникнуть эстетического отношения к природе, “незаинтересованного” любования ею» [11, С. 47].

Ещё более категоричен в своих выводах М.И. Стеблин-Каменский: «Человеку было чуждо эстетическое восприятие природы, пока он не выделял себя из неё. Оно было, конечно, совершенно чуждо первобытному человеку. Оно было чуждо ещё и средневековому человеку. Никакого эстетического восприятия природы вообще не существовало для людей того времени» [34, С. 62; 35, С. 93].

В подтверждение этой мысли исследователи указывают и на фактическое отсутствие пейзажа в средневековой живописи европейских стран, включая древнерусские иконы, где природа если и изображается, то крайне схематично и явно не служит предметом любования художника. И в средневековой литературе, по замечанию А.Я. Гуревича, господствовала «традиция риторического, условного изображения ландшафта» [11, С. 60]. Тем не менее, есть основания утверждать, что отдельные элементы эстетического восприятия природы у средневекового человека всё же существовали, причём не только у выдающихся мыслителей, опережавших своё время, но и в *массовом* сознании, собственно и являющимся объектом нашего исследования. А постепенное накопление таких элементов не могло не сопровождаться соответствующими изменениями менталитета.

С одной стороны, нельзя не видеть, что в Средние века да и в Новое время многие стороны эстетического восприятия мира были, действительно, ещё очень далеки от современных представлений о прекрасном. И если нашим современникам могут нравиться и идиллические пейзажи, и дремучие леса, и бурные моря, и голые скалы, и полярные льды, и даже извергающиеся вулканы, то несколько столетий назад природа воспринималась людьми несколько иначе. Тогда им «не нравились» не только вызывающие ужас природные явления (трудно представить себе средневекового человека, любящего «грозу в начале мая»), но и те картины дикой и суровой природы, которые у нынешнего, проводящего большую часть жизни на асфальте горожанина обычно вызывают восторг и умиление.

Но с другой стороны, как раз применительно к пейзажу об эстетическом восприятии природы средневековым человеком говорить можно. Правда – подчёркивая специфику этого восприятия. А она заключалась в следующем: *людям той эпохи нравилась не дикая девственная природа, а прежде всего*

обжитая, преображённая трудом часть её – та, где оставили созидательный след человеческие руки. Привлекало и радовало человека в природе и то, что было особенно удобно для приложения его рук, потому, наверное, и восхищала крестьянина поляна, обнаруженная им посреди лесной чащи, а градостроителя – место, идеально подходящее для строительства нового селения или храма (это обычно были открытые возвышенные места, и в русских документах XVII в. они часто прямо так и назывались – «красными»).

Один из героев исландских саг восклицает: «Как красив этот склон! Таким красивым я его ещё никогда не видел – жёлтые поля и скошенные луга» [16, С. 556]. Лаконичнее то же видение прекрасного выражено в двух русских пословицах, записанных в XVII в.: «красно поле со пшеницею» и «красно поле с рожью, а слово с ложью». «Красива не сама природа, а лишь то, к чему приложены крестьянские руки», – объясняет смысл этих пословиц Л.Н. Пушкарёв [21, С. 126]. Но XVII век в России – отнюдь не верхний предел для широкого распространения среди крестьян подобного понимания прекрасного.

«Первый источник эстетических чувств в аграрном труде – это творение красоты», – делится своими соображениями П.И. Симуш. Он обращает внимание на то, что «освоенные лесные уголья имели и собственные имена, порой довольно поэтические», и что в глазах крестьянина «ничто так не облагораживало природу, как разные строения...» [31, С. 120, 126]. И разве не показательно, что на Руси именно глухой лес долгое время называли «пустыней»? Как справедливо замечает в этой связи Ф. Разумовский, «пустынным пространство становилось не оттого, что там вообще ничего нет, а потому, что в нём нет ничего человеческого» [28, С. 70].

По наблюдениям В.И. Козлова, «с самого начала человеческой истории искусственная культура, как основное отличие человека разумного от других живых существ и основного средства его небиологической адаптации к среде обитания, противостояла природе» [19, С. 82]. А потому неслучайно и «висячие» сады Семирамиды в Вавилоне «порою противопоставлялись природе первозданной, якобы грубой и потому “низкой” в сравнении с “благородной” искусственной природой. Такое противопоставление, – отмечал Г.З. Апресян, – держалось веками...» [2, С. 83]. Идеал преобразованной,

украшенной трудом человека природы был близок античному миру, и такая эстетическая оценка природы, по мнению Л.Н. Гордиенко, была в значительной мере воспринята Древней Русью [10, С. 8].

Посмотрим теперь на ту же проблему с другой стороны – пойдём, как говорится, от обратного. Логично ведь предположить, что раз в исторических источниках, относящихся к определённой эпохе, указывается, почему та или иная картина природы человеку нравилась, то соответственно в них же можно встретить прямые указания на причины, по которым тот или иной пейзаж человеку не нравился.

Такие указания имеются. Вот, например, строки, оставленные иеродиаконном Игнатием, сопровождавшим в 1398 г. митрополита Пимена в его поездке из Рязани в Азов (и далее в Константинополь). Речь в них идёт о верховьях Дона: «Сели в суда и поплыли рекою Доном вниз. Было же это путешествие печально и уныло, была всюду пустыня, не было видно ничего: ни града, ни села...» [25, С. 95] (перевод М.Н. Тихомирова). Не менее характерна оценка сибирского пейзажа Н. Спафарием, российским посланником в Китай, проплывавшим в 1675 г. по реке Кети. «Сия река зело тосклива, – пишет Спафарий, – для того что жилья на ней нет от Кецкого острога до Маковской деревни Ворожейкиной», а ещё потому, что «по ней нет ни елани, ни поля нет, толко лес непроходимой, болота и озера...» [27, С. 83].

Примечательно, что Спафарий был не просто весьма образованным для своего времени человеком, но и, если можно так выразиться, специалистом по эстетике – сочинял, в частности, трактаты, существенно важные, по мнению исследователей его творчества, для характеристики эстетики московского барокко [33, С. 3]. Художественный вкус у Спафария был, таким образом, вполне развит, но – соответственно представлениям эпохи. Об одном из преобразованных человеком уголков Сибири Спафарий, например, отозвался так: «А город Тобольск построен на реке Иртыше на высоком месте, на яру, и место зело красивое, и множество церквей Божиих и дворов...» [27, С. 49].

Об эстетических взглядах широких слоёв русского общества в Средние века и Новое время мы можем достаточно уверенно судить по такому массовому источнику, как народные

песни, записанные в XVIII – начале XIX в. и опубликованные в сборниках М.Д. Чулкова, И. Прача, П.В. Киреевского [38; 26; 24]. Песни эти, конечно, отражают разные (и более, и менее древние, и лишь формирующиеся) пласты народного сознания и в целом посвящены отнюдь не природе, но она очень часто выступает как фон или непосредственный участник песенного сюжета. А анализируя их тексты, мы не можем не заметить некоторые закономерности.

Прежде всего видно, что авторам песен определённно не нравятся чужие, непривычные места и всякая глухомань, а если что-то из природного ландшафта подаётся в положительном ключе, то это главным образом та «окружающая среда», которая прямо или косвенно втянута в сферу хозяйственной деятельности человека. И если сюжетные действия каким-то образом касаются природы, то она, как правило, ограничивается местами, расположенными где-нибудь у самого села или города. В самом деле, где ещё можно так часто встретить одиноко стоящую берёзу или «ивушку», «кудрявую рябину»; где можно сразу выйти из дома на «реченьку», на «зелёный лужок»? Именно эта, близкая человеку, преображённая и «окультуренная» им природа и воспевалась в песнях XVIII – начала XIX в. в меру их выразительных возможностей.

Особенно нравились авторам народных песен сады – как в целом, так и отдельные садовые деревья и кустарники. А из времён года вне всякой конкуренции было, разумеется «лето красное». Это лишь утончённые поэтические натуры из числа бар могли себе позволить быть «более довольным» не летом, а «суровую зимой» и наилучшим временем года считать «дни поздней осени»...

«Дикие» места не нравились народу по вполне понятным причинам. Раскрывая их, авторы коллективного труда «История крестьянства в Европе», обратили прежде всего внимание на то, что в Средние века «природа оставалась для крестьянина во многом непонятной, грозной силой, которую надо было привлекать на свою сторону с помощью всякого рода ритуальных и магических действий» [15, С. 595], а М.К. Любавский высказался более конкретно: «Лесная и болотистая пустыня, пока не пройдёт в неё пустынный и не водрузит в ней креста, представлялась русскому человеку полной страшных сил и видений, обиталищем многочисленных сонмов бесовских» [20, С. 185]. «Чтобы могли появиться прекрасные олицетворения

природы... человек должен был победить страх перед природой...» – пишет И.Б. Астахов [3, С. 67].

Насторожённое отношение к дикой природе могло проявляться в самых различных сторонах народной жизни. Так, давно замечено, что в сибирских и северных селениях возле домов обычно нет ни то что палисадников, но и ни деревца, ни кустика. Кто-то склонен объяснять это явление пресловутой «русской ленью», но большинство исследователей видят его корни в особенностях повседневных взаимоотношений крестьянина и лесной стихии. В той же Сибири, как заметил академик А.С. Исаев, «для многих поколений переселенцев лес был враждебной стихией, которую приходилось укрощать. Лес выжигали, корчевали, чтобы очистить землю под пашню» (цит. по: [36]) И потому понятно, что всякое «вещественное», наглядное напоминание о лесе, всякие следы его вблизи жилья приятных эмоций у крестьянина долгое время не вызывали.

Подтверждение тому можно найти даже в «деревенской прозе» прошлого столетия, в частности у Ф.А. Абрамова: «От леса кормились, лесом обогревались, но лес же был и первый враг. Всю жизнь северный мужик прорубался к солнцу, к свету, а лес так и напирал на него: глушил поля и сенные покосы, обрушивался гибельными пожарами, пугал зверем и всякой нечистью. Оттого-то, видно, в пинежской деревне редко кудрявится зелень под окном. В Пекашине и доселе живо поверье: у дома куст – настоится дом пуст» [1, С. 11].

Впрочем, картина мира средневекового человека слишком сложна, чтобы укладываться в одну схему. Нельзя не видеть, что и отдельные элементы дикой природы порой вызывали у людей той эпохи положительные эмоции. Без признания этого факта трудно объяснить не только наличие растительного орнамента на ювелирных изделиях, посуде, в росписи старинных храмов и дворцов, но и более значимые явления средневековой жизни. Так, человека того времени явно радовали картины весеннего пробуждения природы, восхода солнца: тому есть немало свидетельств, запечатлённых в литературе как позднего, так и раннего средневековья, в народном песенном творчестве [14, С. 10, 210, 228].

Тёплые чувства у человека могли также вызывать природные особенности родной страны. И это было закономерным явлением: при формировании народностей в

условиях постоянной угрозы вражеских вторжений, обычной для средневековья, выделение своей земли среди прочих вполне естественно. Наглядный пример тому – знаменитый «зачин» к «Слову о гибели Русской земли», написанному, вероятнее всего, в 30–40-е гг. XIII в. Некоторые исследователи называют его «гимном родной земле» и рассматривают как свидетельство того, что эстетическое восприятие природы в Древней Руси было обыденным явлением.

Внимательно читаемся в это произведение: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими, удивлена еси реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубровами частыми, полями дивными зверьми разноличными, птицами бещисленными, дома церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими – всего еси исполнена земля Руская, о правоверная вера христианская!» [14, С. 326].

Этому памятнику древнерусской литературы удивительно созвучно ойратское народное предание, описывающее природу столь непохожей на Русь страны: «Поднимаются нагроможденные Алтайские горы... Радостные леса-чащи услаждают глаз. Белеют пятьдесят возвышенностей со снеговыми хребтами, возвышаются восемьдесят утесов с ледяными обухами. Вот радостная, прекрасная отчизна!.. Белеют кругами десять тысяч прозрачных озер... текут, крутятся, сто больших рек... Цветы всех красок распускаются и колышутся, текут, струясь, источники, целебные от всех болезней... Степные полынь и ковыль повырастали вместе... Ревут, ища пищи, силой страшной обладающие дикие звери, шумят и поют звонкоголосые птицы... семидесяти мастей антилопы идут, пасясь, друг за другом. Вот всерадостная, прекрасная отчизна, вот как говорят о ней! Наполняя северные отроги Алтая и Хангая, вырос... табун пестрых и вороных с гнедыми коней... восемь раз теряли им счет... Верблюды и верблюдицы ходят отдельным табуном в сотни тысяч... А если сказать о красных коровах... счет которым пять раз теряли... А белые, как раковины, овцы выросли, наполнив и заняв подъемы тринадцати Алтайских перевалов... Вот скот, невозможно сказать, как его много!» [22, С. 55–57].

При чтении обоих произведений нельзя не заметить общего, что при всех различиях их объединяет: в том и другом

случае природные красоты родной земли отождествляются с её природными *богатствами* и, стало быть, не являются объектом бескорыстного эстетического созерцания и наслаждения, свободного от утилитарных потребностей, без чего, по мнению учёных, об эстетическом восприятии человеком чего бы то ни было говорить не приходится. То есть мы здесь имеем дело с пониманием прекрасного, несущем в собственной основе отождествление утилитарной и эстетической ценности по принципу «красиво то, что полезно».

Такое представление, как уже давно выяснено специалистами по эстетике, уходит корнями в глубины тысячелетий [5, С. 48]. Но в Средние века оно проявляется в несколько стёртой, смягчённой и всё более стирающейся форме, охватывая всё новые и новые элементы окружающего мира по мере освоения природы человеком и уменьшения его зависимости от естественных факторов.

Когда же в массовом сознании появляется близкое к современному эстетическое восприятие природы? Судя по всему, в России это происходит не ранее XVIII в., но, конечно же, не одновременно и не повсеместно.

В высших слоях российского общества возникновение «поэтического чувства природы» обычно связывается с сентиментализмом, сложившимся, как известно, лишь во второй половине XVIII в. Именно основоположник русского сентиментализма Н.М. Карамзин призывал соотечественников: «Созерцайте природу и наслаждайтесь ее красотами; познавайте свое сердце и свою душу!» [18, С. 141]. Однако даже у «просвещённой публики» в то время эстетическое восприятие природы, как правило, не выходило далеко за пределы «окультуренного» ландшафта. Не случайно в России последней четверти XVIII в. наиболее популярными были не глухие «девственные» места, а усадебные сады и парки, пусть порой и стилизованные под «дикую природу», а проекты начатой при Екатерине II перепланировки городов допускали природу внутрь города исключительно в преобразованном виде [29, С. 38–39; 8, С. 23].

Тем не менее, XVIII век – это важный рубеж российской истории, ознаменовавшийся крупными сдвигами как в социально-экономической, так и в духовной областях. Бурное развитие получило тогда профессиональное искусство, а

вследствие быстрого роста городов и значительного их обособления от природной среды в России произошло резкое увеличение численности тех слоёв населения, которые жили вне постоянного и тесного контакта с природой и потому в большей мере были способны воспринимать её в качестве внешнего фактора и объекта «бескорыстного эстетического созерцания и наслаждения».

Но очевидно и другое: далеко не все пейзажи находили в России того времени поклонников среди людей художественного склада, А Русский Север стал привлекать к себе живописцев вообще лишь во второй половине XIX в. Кроме того, не только в XVIII и XIX, но и в XX в. встречалось немало людей, сохранивших по отношению к природе как отдельные пережитки, так и целые пласты древних эстетических взглядов, выражающихся в определении прекрасного в ней соответственно своим представлениям о «вреде» или «пользе» – как у одного из персонажей повести Е. Носова «Моя Джомолунгма», не видевшего никакой красоты в растущем перед домом тополе, полагая, что такое «пустое дерево», в отличие от яблони, растёт «низачем».

Таких примеров немало и в художественной литературе, и в публицистике, и нам никуда не уйти от того хрестоматийного факта, что больше всех у нас природу любят горожане, а не те, кто по роду своих основных занятий вынужден близко и ежедневно соприкасаться с ней и потому не может относиться к лесам и полям лишь как объекту бескорыстного любования, особенно если образовательный и культурный уровень таких людей заставляет желать лучшего. И разве, например, не показательно, что в конце XX в. непримиримыми противниками индустриального преобразования уникальных по красоте районов Горного Алтая в результате намечавшегося строительства Катунской ГЭС выступали в основном энтузиасты-интеллигенты из других регионов, в то время как истосковавшиеся по благам цивилизации местные жители были в массе своей «за»?

Подобные примеры хорошо иллюстрируют давно известное и часто бездумно воспринимаемое положение относительно взаимодействия сознания и бытия. Поэтому особенности эстетического восприятия различными категориями населения окружающего мира могут служить своеобразным индикатором, позволяющим судить о принципиальной

возможности установления гармонии в отношениях человека и природы на том или ином этапе исторического развития.

Для северной природы это имеет особое значение. По сравнению с природой южных стран, она более ранима, но поскольку красоту её человек разглядел и оценил по историческим меркам довольно поздно, воспитание бережного отношения к ней является хотя и актуальной, но весьма трудной задачей.

Список литературы и источников

1. Абрамов Ф. Пряслины. Трилогия. М.: Современник, 1977. 815 с.
2. Апресян Г.З. Эстетическое отношение к природе в социалистическом обществе. М.: Знание, 1981. 96 с.
3. Астахов И.Б. Эстетика. М.: Московский рабочий, 1971. 438 с.
4. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 3. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. 376 с.
5. Бореев Ю.Б. Эстетика. 2-е изд. М.: Политиздат, 1975. 399 с.
6. Бореев Ю.Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
7. Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв.: Биографический словарь. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 72 с.
8. Глазычев В.Л. Город и природа в России //Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 1994. Вып. 2. Мат-лы второй науч. конф. «Человек и природа – проблемы социоестественной истории». С. 17–25.
9. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». М.: Советская Россия, 1976. 608 с.
10. Гордиенко Л.Н. К изучению историко-культурной эволюции проблемы «Человек и природа» //Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения, 1986: Человек – природа – искусство. Л.: Наука ЛО, 1986. С. 5–20.
11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
12. Забелин И.Е. Кунцово и древний Сетунский стан: исторические воспоминания. М.: К.Т. Солдатенков, 1873. 258 с.

13. Зингер Е. Между полюсом и Европой. М.: Мысль, 1975. 206 с.
14. Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). М.: Художественная литература, 1969. 800 с.
15. История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М.: Наука, 1986. 694 с.
16. Исландские саги. Под ред. М.И. Стеблина-Каменского. М.: Художественная литература, 1956. 784 с.
17. История философии в СССР. В 5 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 580 с.
18. Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просветлении //Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2 т. М.;Л: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 122–142.
19. Козлов В.И. Эволюция поведенческих стереотипов: Экологическая экофилия и экофобия //История взаимодействия общества и природы: Факты и концепции. Ч. 1. М.: Люберецкая типография, 1990. С. 81–82.
20. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Курс, читаемый в Московском университете в 1908-9 акад. г. М.:Типо-Литография И.И. Любимова, 1909. 404 с.
21. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М.: Наука, 1974. 469 с.
22. Монголо-ойратский героический эпос. Перевод и вступ. ст. Б.Я. Владимирцева. Пг.; М: Всемирная литература, 1923. 255 с.
23. Овсянников М.Ф., Смирнова З.В. Очерки истории эстетических учений. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1963. 452 с.
24. Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 1–10. М.: Об-во любителей российской словесности при Московском ун-те, 1860–1874.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.
26. Прач И. Собрание народных русских песен с их голосами. Сост. и изд. Н.А. Львов. СПб.: Тип. Горного училища, 1790. 209 с.
27. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая

- Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария. С введ. и примеч. Ю.В. Арсеньева. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.
28. Разумовский Ф. Внимая свету и простору //Знание – сила. 1989. № 3. С. 66–73.
29. Разумовский Ф. Различный вид гульбищ, садов и роц... //Знание – сила. 1986. № 12. С. 36–39;
30. Распутин В. Сибирь, Сибирь... М.: Молодая гвардия, 1991. 304 с.
31. Симуш П.И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991. 255 с.
32. Смольянинов И.Ф. Природа в системе эстетического воспитания. М.: Просвещение, 1984. 207 с.
33. Спафарий Н. Эстетические трактаты. Подготовка текста и вступит. ст. О.А. Белобровой. Л.: Наука ЛО, 1978. 161 с.
34. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л.: Наука ЛО, 1971. 139 с.
35. Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л.: Наука, 1976. С. 104.
36. Тетерин И. За деревьями видеть лес //Комсомольская правда. 1985. 5 января.
37. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 2. Статьи и рецензии 1853–1855 гг. М.: Гослитиздат, 1949. 943 с.
38. Чулков М.Д. Собрание разных песен. СПб.: Тип. Акад. Наук, 1770–1774. Ч. 1–4.